

ДЖЕЙН

ОСТЕН

СЭНДИТОН

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джейн Остин

Сэндитон

«Издательство АСТ»

1818

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Остин Д.

Сэндитон / Д. Остин — «Издательство АСТ»,
1818 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148495-8

Произведения, составившие этот сборник, далеко не так известны, как классические романы Джейн Остен, однако позволяют совершенно по-новому взглянуть на творческое становление великой английской писательницы и на то, в каком направлении она планировала двигаться дальше, не оборви ее творческий и жизненный путь безвременная кончина. «Сэндитон» и «Уотсоны» – незавершенные (точнее, «Уотсонов» завершила сестра Остен по ее черновикам) и опубликованные уже через много лет после ее смерти романы, отличающиеся от более ранних произведений автора еще более сильным ироническим и сатирическим началом. Несмотря на незаконченность, «Сэндитон» был успешно экранизирован. А «История Англии» – очень смешная пародия на научный труд, заставляющая вспомнить соответствующие тексты Свифта и Льюиса Кэрролла. Также в сборник вошло собрание писем Остен.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-148495-8

© Остин Д., 1818

© Издательство АСТ, 1818

Содержание

Сэндитон	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Джейн Остен СЭНДИТОН

© Перевод. И. Гурова, наследники, 2022

© Перевод. М. Лахути, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Сэндитон

Глава 1

Джентльмен и леди путешествовали из Тонбриджа в направлении той части сассекского побережья, которая расположена между Гастингсом и Истбурном. Дело вынудило их свернуть с тракта на почти непроезжий проселок. На крутом подъеме, слагавшемся наполовину из камней, наполовину из песка, карета опрокинулась. Случилось это сразу же за единственным господским домом вблизи проселка. И кучер, едва они указали ему, куда ехать, немедля предположил, что нужно им именно туда, и сердито насупился, когда был вынужден проехать мимо. Он без конца ворчал, и пожимал плечами, и жалел своих лошадок, и нахлестывал их с горячностью, возбуждавшей бы невольное подозрение, а не опрокинул ли он карету нарочно (тем более что она не принадлежала его хозяину), если бы дорога не стала еще хуже, едва указанный дом остался позади, и кучер с умным видом знатока объявил, что дальше никакие колеса не справятся, кроме тележных. Падение кареты оказалось менее сокрушительным, чем могло бы, так как лошади брели шагом, а проселок был узким. И когда джентльмен выкарабкался наружу, а затем помог выбраться своей спутнице, и он и она вначале, казалось, отделались потрясением и несколькими синяками. Однако затем выяснилось, что джентльмен вывихнул ступню и, ощутив это, через минуту-другую был вынужден прервать выговор кучеру и поздравления своей супруге и себе. Не в силах более стоять, он опустился на откос.

– Что-то тут не так, – сказал он, прижимая ладонь к лодыжке, – но ничего, моя дорогая (с улыбкой подняв на нее глаза), это не могло произойти в лучшем месте, знаете ли. Добро из худа. Пожалуй, лучшее, чего можно пожелать. Скоро нам придут на помощь. Вон там, думается, я найду излечение. – И он указал на виднеющийся на некотором расстоянии за деревьями коттедж, романтично расположенный на лесном холме. – Ведь, конечно же, это то самое место.

Его супруга горячо надеялась, что он не ошибается. Она стояла вне себя от ужаса и тревоги, не способная что-нибудь сделать или посоветовать, но затем почувствовала первое истинное облегчение, увидев несколько человек, спешающих им на помощь.

Опрокинувшуюся карету заметили с луга, примыкавшего к дому, мимо которого они проехали, и к ним направлялся крепкий красивый мужчина, несомненно джентльмен, который в этот час был среди своих косцов, и трое-четверо наиболее сильных из них, которых он позвал с собой, не говоря уж об остальных работниках, а также женщинах и детях, следовавших за ними в отдалении.

Мистер Хейвуд (так звали владельца поместья) поздоровался очень учтиво, весьма озабоченный случившимся с ними, но и несколько удивленный, что кто-то рискнул поехать по такой дороге в карете. Он предложил им всемерную помощь. Его любезные предложения были приняты с благодарностью, и пока двое косцов помогали кучеру поднять карету, путешественник сказал:

– Вы чрезвычайно любезны, сэр, и я ловлю вас на слове. Моя нога, надеюсь, повреждена несерьезно, однако в подобных случаях всегда разумно безотлагательно заручиться мнением хирурга, а поскольку дорога в настоящее время не позволяет мне добраться до его дома самому, я буду глубоко признателен вам, если вы пошлете кого-нибудь из этих добрых людей за хирургом.

– За хирургом, сэр! Боюсь, в здешних местах хирурга не найдется, но, полагаю, мы отлично обойдемся без него.

– Нет, сэр, если он в отъезде, у него же есть партнер, и он заменит его не хуже или даже лучше. Я даже предпочту его партнера. Кто-нибудь из этих добрых людей, я уверен, может быть

у него через три минуты. Мне нет нужды спрашивать, вижу ли я там его дом, – поглядел он в сторону коттеджа. – Ведь за исключением вашего собственного мы не видели тут ни единого дома, который может быть жилищем джентльмена.

Мистер Хейвуд был весьма изумлен и ответил:

– Как, сэр! Неужели вы думали найти в этом коттедже хирурга? У нас в приходе нет ни хирурга, ни его партнера, уверяю вас.

– Прошу прощения, сэр, – ответил путешественник. – Сожалею, если покажется, будто я вам возражаю, но из-за размеров прихода или по какой-то иной причине вам может быть неизвестно... Погодите... Или я ошибся адресом? Разве это не Уиллингден?

– Да, сэр, это, несомненно, Уиллингден.

– В таком случае, сэр, я могу предъявить доказательство, что в вашем приходе хирург есть, известно ли вам это или нет. Вот, сэр. – Он извлек бумажник. – Если вы окажете мне любезность взглянуть на эти объявления, которые я собственноручно вырезал из «Морнинг пост» и «Кентиш газетт» вчера утром в Лондоне, полагаю, вы убедитесь, что я говорю не наугад. Это объявление, сэр, о расторжении партнерства, врачебного, в вашем собственном приходе: обширная практика, незапятнанная репутация, солидные рекомендации, – с целью открыть собственную практику. Тут все подробно изложено, сэр! – И он протянул мистеру Хейвуду две маленькие овальные вырезки.

– Сэр, – сказал мистер Хейвуд с добродушной усмешкой, – покажи вы мне все, что газеты напечатали по всей стране за последнюю неделю, вы не убедили бы меня, будто в Уиллингдене практикует хирург. Поскольку живу тут с рождения – мальчиком и мужчиной – вот уже пятьдесят семь лет, полагаю, я должен был бы знать про такого медика. По меньшей мере посмею сказать, что практика у него никак не обширная. Хотя, конечно, если джентльмены в дорожных экипажах начнут часто сворачивать на этот проселок, хирург не прогадал бы, обзаведись он домом на вершине этого холма. Но что до коттеджа, так, могу заверить вас, сэр, что, хотя он на таком расстоянии и выглядит нарядным, по правде он, как и все жилища в этом приходе, состоит из двух половин и что одну занимает мой пастух, а другую – три старухи. – При этих словах он взял вырезки и, прочитав их, добавил: – По-моему, у меня есть объяснение, сэр. В этих краях имеются два Уиллингдена, и ваше объявление подразумевает другой, то есть Грейт-Уиллингден, или Уиллингден-Эбботс. Он находится в семи милях отсюда, по ту сторону Бэтгла в низине Уилда. А мы, сэр, – с порядочной гордостью, – к Уилду не относимся.

– Да уж, не к низине Уилда, не сомневаюсь, сэр, – сказал путешественник шутливо. – Мы взбирались на ваш холм добрых полчаса. Что же, сэр, полагаю, вы правы, и я допустил глупейший промах. Все в такой спешке. Объявления попались мне на глаза только в последние полчаса нашего пребывания в городе, среди суматохи, которая неизбежна, когда приезжаешь туда на краткий срок. Не успеваешь закончить дела, знаете ли, а карета уже у дверей. Ну и, удовлетворившись самым кратким наведением справок и обнаружив, что мы будем проезжать всего в миле-двух от какого-то Уиллингдона, я удовлетворился этим... Моя дорогая, – обратился он к жене, – я крайне сожалею, что вверг вас в такую переделку. Но о моей ноге не тревожьтесь. Она совершенно не болит, если ею не шевелить. И, едва эти добрые люди сумеют поднять карету и повернуть лошадей, разумней всего нам будет вернуться на тракт и отправиться в Хейлшем, а оттуда домой, ничего больше не предпринимая. Два часа от Хейлшема до дома. А там – наше собственное лекарство. Немножко нашего бодрящего морского воздуха скоро поставит меня на ноги. Поверьте, моя дорогая, это как раз недуг для моря. Соленый воздух и погружение приведут все в порядок. Я уже ощущаю это.

Тут мистер Хейвуд вмешался, самым дружественным образом уговаривая их и думать не смей о продолжении пути, пока лодыжка не будет осмотрена и они не подкрепятся. Он со всей сердечностью настаивал, чтобы они воспользовались его домом для того и другого.

– У нас всегда большой запас, – сказал он, – всех обычных средств от растяжений и ушибов. И, ручаюсь, моей жене и дочерям будет большим удовольствием оказать помощь вам и вашей супруге, насколько это в их силах.

Сильная боль при попытке пошевелить ступней принудила путешественника признать, что немедленная помощь куда желательнее, чем он полагал вначале. И он обратился к жене с несколько иными словами:

– Что же, моя дорогая, думаю, так для нас будет лучше. – Вновь обернувшись к мистеру Хейвуду, он продолжил: – Прежде чем мы примем ваше гостеприимство, сэр, и чтобы рассеять неблагоприятное впечатление, какое может оставить у вас моя нелепая погоня за химерой, разрешите мне представиться. Моя фамилия Паркер. Мистер Паркер из Сэндитона. Эта дама – моя супруга, миссис Паркер. Мы едем домой из Лондона. Мое имя, быть может – хоть я и отнюдь не первый в моей семье, кто владеет землей в приходе Сэндитон неизвестно на таком расстоянии от побережья, но сам Сэндитон... о Сэндитоне слышали все, о наилучшем морском курорте, самом новом и расцветающем морском курорте из всех, какие существуют на берегах Сассекса, наиболее взысканном природой и обещающем быть наиболее избранным людьми.

– Да, про Сэндитон я слышал, – ответил мистер Хейвуд. – Каждые пять лет слышишь о том или ином местечке, возникающем у моря и входящем в моду. Просто чудо, что хотя бы половина их может заполняться. Откуда берутся люди, располагающие достаточными деньгами или временем, чтобы ездить туда! Вредные для страны, неизбежно поднимающие цены на провизию и лишаящие бедняков пропитания, как, смею сказать, вы убеждаетесь, сэр.

– Вовсе нет, сэр, вовсе нет! – вскричал мистер Паркер с энтузиазмом. – Как раз наоборот, уверяю вас. Распространенное убеждение, но ошибочное. Возможно, это верно по отношению к большим разросшимся курортам вроде Брайтона, или Уортинга, или Истбурна, но не к такой деревушке, как Сэндитон, самые размеры которой исключают вторжение туда любых зол цивилизации. А ее разрастание, дома, сады, потребность во всем необходимом для отдыха изысканнейшего общества, слагающегося из семей самого благородного происхождения и репутации, чье присутствие всегда благо, обеспечивают беднякам работу, а также всем другим комфорт и всякие улучшения. Нет, сэр, уверяю вас, Сэндитон не то место...

– Я не собираюсь выделять какое-либо место, сэр, – ответил мистер Хейвуд. – Я просто считаю, что наш берег чересчур ими переполнен. Но не лучше ли перенести вас...

– Наш берег чересчур переполнен, – повторил мистер Паркер. – Тут, пожалуй, мы не слишком расходимся. По меньшей мере их более чем достаточно. Наш берег насыщен и не требует добавлений. Достаточно для любых вкусов и любых финансов. А добрые люди, старающиеся пополнить их число, на мой взгляд, нелепы до чрезвычайности и вскоре должны стать жертвами собственных ошибочных расчетов. Такое место, как Сэндитон, сэр, могу я сказать, просто требовалось, было необходимо. Его выделила сама природа. Неопровержимо указала на него. Прекраснейший чистейший морской бриз, как нигде на побережье, что всеми признано, великолепное купание, чудесный твердый песок, глубоководье в десяти ярдах от берега, ни ила, ни водорослей, ни осклизлых камней. Не найти другого места, столь очевидно предназначенного природой курорту для недужных, в котором нуждаются тысячи. Удобнейшее расстояние от Лондона! На полную точно измеренную милю ближе Истбурна. Только подумайте, сэр, какое благо сэкономить целую милю в конце долгой поездки! Но Бриншор, сэр, который, пожалуй, вы имеете в виду, это прошлогодняя попытка двух-трех спекулянтов преобразить убогое сельце, втиснутое между загнивающим болотом, унылой вересковой пустошью и постоянными наносами разлагающихся водорослей, попытка, которая может завершиться только полным их разочарованием. Чем, во имя здравого смысла, может привлечь Бриншор? Самый нездоровый воздух, отвратительные дороги, омерзительнейшая на вкус вода – ближе трех миль от этого места невозможно надеяться на чашку приличного чая. Ну а почва до того холодная и непло-

дородная, что на ней и кочана капусты не вырастить! Поверьте, сэр, это точное описание Бриншора, ни в чем не преувеличенное, и если вы слышали о нем что-либо другое...

– Сэр, я никогда прежде ничего о нем не слышал, – сказал мистер Хейвуд. – Понятия не имел, что такое место существует.

– Неужели! Вот, моя дорогая, – обернулся он к жене, – вы видите, чего стоит прославленность Бриншора! Этот джентльмен понятия не имеет, что он существует. Поистине, сэр, мы можем приложить к Бриншору строку поэта Купера, противопоставившего верующую крестьянку Вольтеру: «Не ведала она про мир, лежащий в миле от родного дома».

– Да, ради всего святого, сэр, прилагайте к нему любые стихи, какие хотите. Но я хочу, чтобы что-то приложили к вашей ноге. И по лицу вашей супруги вижу, что она того же мнения и считает, что не стоит более терять времени. А вот и мои девочки идут пригласить вас от своего имени и от имени своей матери. – Из дома вышли три молодые барышни в сопровождении такого же числа служанок. – Я уже недоумевал, как это они не заметили такой суматохи. В такой глуши, как наша, подобное случается редко. И теперь, сэр, поглядим, как лучше перенести вас в дом.

Глава 2

Знакомство, завязавшееся столь странно, оказалось не кратким и не мимолетным. Путешественники оставались в Уиллингдене целых две недели. Вывих мистера Паркера был настолько серьезен, что тронуться в путь раньше он никак не мог. Оказался он в хороших руках. Хейвуды во всех отношениях были уважаемой семьей и окружали мужа с женой всевозможными заботами и вниманием без малейшей навязчивости или претенциозности. За ним поочередно ухаживали, ее утешали и подбадривали. А поскольку все изъявления гостеприимства и дружелюбия принимались, как того заслуживали, и поскольку доброжелательность одних встречала равную благодарность других, а манеры всех отличались приятностью, то на протяжении этих двух недель они сблизились по-настоящему.

Характер и история мистера Паркера вскоре стали известны во всей полноте. Он с готовностью сообщал все, что знал о себе, будучи по натуре на редкость откровенным. А о том, чего он сам не знал, его разговоры сообщали дополнительные сведения тем Хейвудам, которые умели их распознать. Они убедились, что он энтузиаст во всем связанном с Сэндитоном, величайший энтузиаст. Сэндитон, успех Сэндитона как маленького модного морского курорта, казалось, составляли цель его жизни. Лишь несколько лет назад это была тихая деревушка, ни на что не претендовавшая, но некоторые природные достоинства ее расположения и другие случайные обстоятельства навели на мысль его и второго тамошнего крупного землевладельца, что из всего этого можно извлечь выгоду. И они принялись планировать, и строить, и расхваливать, и пыхтеть, подняв Сэндитон до высоты интересной новинки, и теперь мистер Паркер ни о чем другом и думать не мог.

В конце концов он все-таки перешел к фактам. Ему тридцать пять, женат – и очень счастливо женат – вот уже семь лет. И дома их ждут четверо прелестных детишек. Он из уважаемой семьи с приличным, хотя и не внушительным состоянием. Профессионального образования не получил, унаследовав как старший сын имение, которым до него владели, приумножая его, два-три предыдущих поколения; у него два брата и две сестры, все одинокие и обеспеченные. Собственно, старший из двух его братьев благодаря добавочному наследству обеспечен не хуже его самого.

Причина, почему они свернули с тракта в поисках поместившего объявление хирурга, также была изложена без экивоков. Без всякого намерения вывихнуть лодыжку или еще как-либо пострадать на пользу этому хирургу и не для того, чтобы – как тут же предположил мистер Хейвуд – стать его партнером, а всего лишь из желания водворить какого-нибудь медика в Сэндитоне. Характер объявлений внушил ему, что устроить это можно будет в Уиллингдене. Он не сомневался, что наличие врача весьма существенно поспособствует развитию и процветанию его курорта и даже обеспечит значительный приток клиентов, ведь все остальное уже было устроено. У него было достаточно оснований полагать, что в прошлом году по меньшей мере одна семья отказалась по этой причине от намерения опробовать Сэндитон, а возможно, таких было и гораздо больше. Да и его собственные, увы, страдающие разными недугами сестры, которых ему не терпелось пригласить на лето в Сэндитон, навряд ли рискнут отправиться туда, где не смогут незамедлительно получить врачебный совет.

В целом мистер Паркер, несомненно, был приятным человеком, хорошим семьянином, любящим жену, детей, братьев и сестер, – вообще добросердечным, либеральным, истинным джентльменом, всем довольным, по натуре сангвиником, более следующим воображению, нежели рассудительности. А миссис Паркер была, несомненно, кроткой приятной женщиной с покладистым характером, самой лучшей на свете женой для человека с сильной натурой, но лишенной способности на сдерживающие советы, которые порой требовались ее супругу,

и настолько сама всегда нуждалась в руководстве, что, рисковал ли он своими деньгами или вывихивал лодыжку, она оставалась равно бесполезной.

Сэндитон был для него второй женой и четырьмя детьми, едва ли менее дорогим его сердцу и, безусловно, куда более его занимавшим. Говорить о нем он мог без конца. Сэндитон, безусловно, имел все права быть самым главным. И не только как место рождения, владение и семейный очаг. Сэндитон был его золотым прииском, его лотереей, его надеждой и его коньком, его занятием и его будущим. Он горел желанием пригласить туда своих добрых уиллингденских друзей, и его старания были столь же исполненными благодарности и бескорыстными, как и сердечными.

Он желал заручиться обещанием, что они приедут – столько членов семьи, скольких способен вместить его собственный дом; что они последуют за ним в Сэндитон елико возможно скорее; и хотя все они отличались завидным здоровьем, он предвидел, какую пользу принесет море всем им. Он утверждал, как нечто неоспоримое, что никто не может быть истинно здоровым, никто абсолютно (пусть в настоящее время прогулки и бодрость духа обеспечивают им подобие здоровья) на самом деле не может обладать истинным и постоянным здоровьем, не проводя каждый год по меньшей мере шесть недель у моря. Морской воздух и морские купания в совокупности были всемогущей панацеей, поскольку совместно побеждали любые недуги, ибо морской воздух или морская вода исцеляли всякую болезнь желудка, легких либо крови; они были противоспазматическими, противовоспалительными, противосептическими, противожелчными и противоревматическими. У моря никто не мог простудиться, пожаловаться на отсутствие аппетита, бодрости духа или упадок сил. Море и воздух были лечебными, смягчающими, расслабляющими, укрепляющими и бодрящими – видимо, как требовалось в каждом случае. Иногда так, иногда эдак. Если морской бриз не подействовал, то морское купание обязательно все поправляло, а если купание оказывалось несоответствующим, то, совершенно очевидно, природа для исцеления предназначала тут только морской бриз.

Однако его красноречие пропало втуне. Мистер и миссис Хейвуд никогда своего дома не покидали. Рано вступив в брак и обзаведясь большой семьей, они были крайне ограничены в своих передвижениях, к тому же старше привычками, нежели возрастом. Если не считать двух поездок в Лондон для получения дивидендов, мистер Хейвуд удалялся от дома не далее, чем могли увести его ноги или увезти его старая лошадь. Миссис же Хейвуд осмеливалась лишь изредка отправляться с визитом к соседкам в старой карете, которая была новой, когда они поженились, и заново обитой, когда их старший сын достиг совершеннолетия десять лет назад. У них было очень недурное состояние, вполне достаточное, чтобы позволить им – не выйди их семья за разумные пределы – и приличествующую помещикам роскошь, и перемену обстановки; вполне достаточное, чтобы обзавестись новой каретой и дорогами получше, чтобы позволить себе иногда проводить месяц в Танбридж-Уэльсе или зиму в Бате. Однако содержание, воспитание и обеспечение четырнадцати детей требовали очень тихого, размеренного и упорядоченного образа жизни и вынуждали их быть безвыездно здоровыми в Уиллингдене.

То, что поначалу навязывала предусмотрительность, теперь привычка сделала приятным. Они никогда не покидали свой дом и черпали удовлетворение, говоря об этом. Но отнюдь не желая того же своим детям, они были счастливы способствовать им выходить в мир, насколько было возможно. Они оставались дома, чтобы их дети могли его покидать, в то же время делая этот дом на редкость уютным и приветствуя каждый отъезд из него в чаянии полезных связей и респектабельных знакомых для сыновей или дочек. Поэтому когда мистер и миссис Паркер перестали настаивать на семейном визите и вознамерились увезти с собой одну из дочерей, то не встретили никаких препон, а только обрадованность и согласие.

Пригласили они мисс Шарлотту Хейвуд, очень милую молодую барышню двадцати двух лет, старшую из дочерей дома, ту, которая по указанию матери ухаживала за ними с особой услужливостью и познакомилась с ними особенно близко. Шарлотта ехала в превосходном

здравию, дабы купаться и еще больше укрепить свое здоровье, если сумеет; дабы насладиться всеми удовольствиями, какие только мог предложить Сэндитон во всю меру благодарности пригласивших ее, а также купить новые зонтики, новые перчатки и новые брошки в платной библиотеке, заботливо поддерживаемой мистером Паркером.

От мистера Хейвуда ему удалось лишь заручиться обещанием, что тот будет рекомендовать Сэндитон всем, кто попросит его совета, и что ничто никогда не побудит его (насколько вообще можно ручаться за будущее) потратить даже пять шиллингов в Бриншоре.

Глава 3

В каждом местечке должна быть своя главная леди. Таковой в Сэндитоне была леди Денхем, и в течение их путешествия из Уиллингдена к побережью мистер Паркер снабдил Шарлотту более подробными сведениями о ней, чем требовалось ранее. По необходимости она часто упоминалась и в Уиллингдене, так как именно она была его соратницей в усилиях создать самый лучший морской курорт. И следовательно, говоря о Сэндитоне, невозможно было вскоре не коснуться леди Денхем. И то, что она весьма богатая старая дама, похоронившая двух мужей, знающая цену деньгам, весьма почитаемая, и что с ней живет бедная родственница, уже было фактами, известными Шарлотте. Однако дальнейшие подробности ее истории и сведения о ее характере помогали скрашивать томительность одоления крутого косогора или скверного участка дороги, а также обеспечивали приезжую молодую барышню необходимыми познаниями об особе, с которой ей теперь, возможно, предстоит видеться ежедневно.

Леди Денхем была богатой мисс Бреретон, рожденной для богатства, но не для образования. Первым ее мужем был некий мистер Холлис, весьма состоятельный землевладелец в тех краях, и в его владения входила значительная часть прихода Сэндитон с поместьем и господским домом. Вышла она за него, когда он был уже очень пожилым, а самой ей было около тридцати. Ее побуждения вступить в такой брак понять за давностью лет было затруднительно, но она так хорошо лелеяла и опекала мистера Холлиса, что, скончавшись, он оставил все свое имущество в полное ее распоряжение. Провдовев несколько лет, она была подтолкнута выйти замуж вторично. Покойный сэр Гарри Денхем из Денхем-парка в окрестностях Сэндитона сумел забрать и ее, и ее большой доход себе, однако ему не удалось навсегда обогатить свою семью, каковое намерение ему приписывалось. Леди Денхем была слишком предусмотрительна, чтобы поступиться чем-либо своим, и когда после кончины сэра Гарри она вернулась вновь в собственный дом в Сэндитоне, то, по слухам, похвастала приятельнице, что «пусть она и не получила от этой семейки ничего, кроме титула, зато ничего за него не отдала».

Надо полагать, что замуж она вышла ради этого титула, и мистер Паркер признавал, что теперь ценность его оказалась явной настолько, что давала ее замужеству именно это естественное объяснение.

– По временам, – сказал он, – немножко спеси, но не обижающей, и выпадают моменты, отдельные случаи, когда ее любовь к деньгам превосходит всякую меру. Но она добрая женщина, очень добрая, а также обязательная сердечная соседка, бодрая, независимая, достойная натура, а ее недостатки можно всецело отнести на счет ее необразованности. Она обладает превосходным здравым смыслом, но абсолютно неотшлифованным. Ум у нее живой и ясный для женщины семидесяти лет, как и крепкая здоровая конституция. И она принимает участие в улучшениях Сэндитона с поистине восхитительным увлечением... хотя порой дает о себе знать мелочность. Она не способна заглядывать вперед так далеко, как хотелось бы мне, и возражает против пустяковых расходов, не учитывая, какой прибылью они обернутся для нее через год-два. То есть мы мыслим по-разному, иногда смотрим на вещи по-разному, мисс Хейвуд. Тех, кто рассказывает собственную историю, следует, знаете ли, выслушивать с осторожностью. Когда вы увидите нас с ней вместе, то сможете судить сами.

Леди Денхем действительно была главной леди, выше обычных требований общества, ибо имела много тысяч в год, чтобы завещать, и три четко разграниченных группы людей, чтобы всячески перед ней заискивать. Ее собственные родственники, которые с полным на то основанием могли заглядываться на ее исходные тридцать тысяч фунтов; законные наследники мистера Холлиса, которые, возможно, уповали, что ее чувство справедливости будет благосклоннее к ним, чем было его, и, наконец, те члены семьи Дерхем, о которых радел ее второй муж. Все они или близкие их, без сомнения, давно ее атаквали и продолжали усердно

атаковать. Про эти три отряда мистер Паркер без колебаний сказал, что родня мистера Холлиса была в наименьшем фаворе, а сэра Генри Дерхема в наибольшем. Первые, полагал он, причинили себе непоправимый вред выражениями очень неразумной и не имеющей оправдания досады после кончины мистера Холлиса. Вторые же обладали тем преимуществом, что достались ей от связи, которую она, безусловно, ценила, многих знала с их детства, и они всегда были возле, чтобы служить своим интересам знаками надлежащего внимания. Сэр Эдвард, нынешний баронет, племянник сэра Гарри, постоянно гостил в Денхем-парке, и мистер Паркер не питал никаких сомнений, что он и проживающая с ним его сестра мисс Денхем займут в ее завещании первое место, и искренне надеялся на это. Мисс Денхем была обеспечена очень скудно, а ее брат для человека его ранга был просто бедняком.

– Он горячий друг Сэндитона, – сказал мистер Паркер, – и его рука была бы столь же щедрой, как и его сердце, располагай он достаточными средствами. Он был бы благороднейшим сотоварищем. Но и так он делает все, что может. Сейчас он наблюдает за постройкой прехорошенького коттеджа *огнёе*¹ на пустыре, который леди Денхем уделила ему. На коттедж этот, не сомневаюсь, у нас найдется много желающих еще до истечения этого сезона.

До последнего года мистер Паркер полагал, что у сэра Эдварда нет соперников на получение большей части того, что оставит леди Денхем, но теперь приходилось считаться с претензиями молодой родственницы, которую леди Денхем была вынуждена включить в круг своей семьи. После того как она всегда противилась таким добавлениям, давно и часто кладя конец попыткам родственников водворить ту или эту барышню в Сэндитон-хаус в качестве компаньонки, но в Михайлов день она привезла из Лондона некую мисс Бреретон, чьи достоинства сделали ее фавориткой наравне с сэром Эдвардом и обеспечивали ей и ее близким ту долю накопившихся благ, унаследовать которую они были в полном праве.

Мистер Паркер говорил о Кларе Бреретон с большой теплотой, и его рассказ стал заметно интереснее с появлением такого персонажа. Шарлотта теперь слушала, не просто пряча улыбку, а с горячим сочувствием, про то, что мисс Бреретон очаровательна, приветлива, кротка, скромна, в своих поступках руководствуется здравым смыслом и благодаря врожденным достоинствам все больше завоевывает расположение своей патронессы. Красота, обаяние, бедность и зависимость не требуют воображения мужчины, чтобы создать впечатление. Женщина – за неизбежными исключениями – готова сочувствовать женщине сразу же и безоговорочно.

Он сообщил подробности причин появления Клары в Сэндитоне как недурной пример той сложности характера, того сочетания мелочности с добротой, здравым смыслом и щедростью, какие видел в леди Денхем.

Много лет избегая посещать Лондон, главным образом из-за этих самых родственников, которые постоянно писали ей, приглашая приехать, и докучали и которых она твердо решила держать на расстоянии, она была вынуждена поехать туда в прошлый Михайлов день в уверенности, что задержится там не менее двух недель. Она поселилась в отеле, соблюдая, по своему убеждению, всевозможную бережливость в противовес предполагаемой дороговизне, присущей подобным временным приютам, а вечером третьего дня потребовала счет, чтобы получить представление о своих расходах. Сумма оказалась такой, что она не пожелала и часа дольше оставаться там, разгневанная и расстроенная столь грубым обчетом, однако не представляла, где найти более разумные условия. И тут ее родственники, расчетливые и удачливые родственники, по-видимому всегда шпионившие за ней, явились в эту критическую минуту представиться ей. А узнав, в каком она очутилась положении, убедили ее не побрезговать их смиренным кровом и пожить до отъезда в скромном доме в отнюдь не фешенебельной части Лондона.

¹ Так в ту эпоху называли маленькие виллы. – *Примеч. пер.*

Она приняла приглашение, пришла в восторг от оказанного ей приема, убедилась, что ее добрые родственники Бреретоны, вопреки ее ожиданиям, люди вполне достойные, и под конец, лично соприкоснувшись с убожеством их дохода и денежными затруднениями, почла себя обязанной пригласить какую-нибудь из дочерей погостить у нее зиму. Приглашалась одна. На шесть месяцев, но с намеком, что затем ее сменит другая. Однако, выбирая эту одну, леди Денхем проявила лучшую сторону своей натуры, остановившись не на настоящей дочери дома, но на Кларе, племяннице, разумеется, более беспомощной, страдающей и притесняемой, чем остальные: приживалка у бедняков, добавочное бремя и в без того обремененной семье, – причем с житейской точки зрения настолько низкого положения, что, как ни одарила ее природа, надеяться она могла в лучшем случае на место помощницы няньки.

Клара вернулась с ней и благодаря здравому смыслу и другим превосходным качествам уже, по всей видимости, заручилась теплейшим расположением леди Денхем. Шесть месяцев давно миновали, и ни звука о какой-либо перемене или обмене. И она стала всеобщей любимицей; влияние ее достойного поведения и кроткой натуры ощущали все. Предубеждение, с каким ее встретили некоторые, давно рассеялось. Чувствовалось, что она заслуживает доверия. Именно та компаньонка, которая будет направлять и умягчать леди Денхем, которая образует ее ум и разожмет ее руку. Она была настолько же обаятельной, насколько и прелестной. А благодаря благотворности их сэндитонского бриза прелесть эта обрела совершенство.

Глава 4

– Чей это такой уютный дом? – спросила Шарлотта, когда в укрытой от ветров ложине на расстоянии двух миль от моря они поравнялись с умеренных размеров домом, надежно огороженным, утопающим в зелени, с плодовым садом, огородом и лугами – наилучшими украшениями подобного жилища. – Он словно бы обустроен не хуже Уиллингдена.

– А! – сказал мистер Паркер. – Это мой прежний дом, дом моих предков, дом, где родились и выросли и я, и все мои братья и сестры. И где родились мои собственные три старшие дочери, где мы с миссис Паркер жили до последних двух лет, когда был достроен наш новый дом. Рад, что он вам понравился. Это честный старинный семейный очаг, и Хильер содержит его в полном порядке. Я, знаете ли, отдал его человеку, арендующему значительную часть моей земли. Он получил дом получше, а я заключил хорошую сделку... Еще один холм, и мы в Сэндитоне, современном Сэндитоне. Такое чудесное место! Наши предки, знаете ли, всегда селились во впадинах. И мы были загнаны в эту тесную дыру без воздуха, без сколько-нибудь сносного вида, всего лишь в миле и трех четвертях от великолепнейшего океанского простора, самого чудесного от мыса на юге и до конца нашего берега, и не извлекали из этого никаких благ. Вы убедитесь, что я не прогадал, когда мы подьемем к Трафальгар-хаусу. Кстати, я почти жалею, что назвал его в честь Трафальгара: ведь теперь Ватерлоо самый крик. Однако Ватерлоо сохраняется в резерве, и если этот год принесет удачу, то, возможно, как я надеюсь, мы позволим себе добавить крыло в форме полумесяца. И вот тогда мы сможем дать ему название «Полумесяц Ватерлоо», чтобы оно отвечало форме здания. А это всегда притягивает и обеспечивает нам избыток жильцов. В удачный сезон у нас отбоя от них не будет.

– Этот дом всегда был очень удобен, – сказала миссис Паркер, оглядываясь на него с чем-то вроде грустного сожаления. – И такой милый сад, такой превосходный огород...

– Да, любовь моя, но их, можно сказать, мы захватили с собой. Ведь они, как и прежде, снабжают нас всеми фруктами и овощами, какие требуются. То есть, собственно говоря, мы пользуемся всеми благами превосходного огорода, но избавлены от необходимости смотреть на неряшливость его грядок, на ежегодно жухнущую ботву. Кому по силам вынести зрелище капустной грядки в октябре?

– Ах господи!.. Да-да... с овощами у нас нет никаких затруднений, как и раньше. Ведь если их забудут доставить, всегда можно купить все, что требуется, в Сэндитон-хаусе. Тамшний садовник только рад снабжать нас... Но детям было так привольно резвиться там! Столько тени летом!

– Моя дорогая, через пару лет у нас будет предостаточно тени на холме. Рост моих посадок поражает всех. А пока у нас есть парусиновый навес, который обеспечивает нам полный комфорт внутри дома. А для малышки Мэри вы всегда можете купить у Уитби солнечный зонтик или шляпку с большими полями у Джебба. А что до мальчиков, должен сказать, я предпочитаю, чтобы они играли на солнце. Я уверен, моя дорогая, что мы согласны в нашем желании, чтобы наши мальчики закалялись как можно больше.

– Да, разумеется, конечно же, мы согласны. И я куплю Мэри маленький солнечный зонтик. Как она будет им гордиться! Как важно прогуливаться с ним и воображать себя маленькой женщиной. О! Я ничуть не сомневаюсь, что нам гораздо лучше там, где мы живем сейчас. Если кому-то из нас захочется искупаться, достаточно пройти четверть мили... Но знаете, – все еще оглядываясь назад, – приятно взглянуть на старого друга, на место, где ты была счастлива. Хильеры прошлой зимой будто совсем не страдали от бурь. Помнится, я повстречала миссис Хильер после одной из тех ужасных ночей, когда нас буквально раскачивало в кровати, а она будто даже не заметила, что ветер задувал не как всегда.

– Да-да, вполне вероятно. Мы испытываем все величие бури, но без настоящей опасности. Вокруг нашего дома ветер не встречает ничего, что ему противостояло бы или стесняло, и, побушевав, уносится дальше, тогда как внизу, в лощине ничего нельзя сказать о состоянии воздуха ниже древесных вершин. И живущие там могут быть захвачены врасплох одним из тех страшных воздушных потоков, которые причиняют больше вреда в долине, чем где-либо на открытых просторах даже в самый бешеный ураган. Но, моя дражайшая, что до овощей... вы сказали, что, если их случайно забывают доставить, это тут же восполнит садовник леди Денхем. Однако мне представляется, что в подобных случаях нам следует покупать их где-нибудь еще и что старик Стрингер и его сын имеют на то большее право. Это я посоветовал ему открыть торговлю, и, боюсь, он не очень преуспевает. То есть времени еще было мало. Он преуспеет, можно не сомневаться. Но поначалу приходится многое преодолевать. А посему нам следует содействовать ему насколько возможно. И когда возникнет нужда в каких-либо овощах или фруктах, было бы недурно, чтобы она возникала почаще, чтобы то или иное забывалось чуть ли не каждый день, и бедный старик Эндрю не лишился бы своего куска хлеба. На самом же деле бо́льшую часть того, что нам требуется, надо покупать у Стрингеров.

– Очень хорошо, любовь моя, это легко устроить, и кухарка будет довольна. Большое облегчение! А то она все время жалуется на старика Эндрю и твердит, что он никогда не приносит того, в чем она нуждается. Ну, старый дом уже далеко позади. Так что ваш брат говорил про больницу там?

– Ах, милая Мэри, обычная его шуточка. Делает вид, будто рекомендует мне открыть там больницу. Притворяется, будто смеется над улучшениями, которые я ввожу. Сидни ведь способен сказать что угодно, знаете ли. Он всегда говорит что угодно обо всех нас и всем нам. По-моему, мисс Хейвуд, в большинстве семей найдется такой шутник. В большинстве семей найдется кто-то, кто благодаря своим выдающимся способностям или силе духа имеет привилегию говорить что угодно. В нашей семье это Сидни, очень умный молодой человек и наделенный редкой обаятельностью. Он ведет светскую жизнь и никак не остепенится – это его единственный недостаток. Он все время то тут, то там, то где-нибудь еще. Я бы очень желал, чтобы нам удалось залучить его в Сэндитон. Мне бы хотелось, чтобы вы с ним познакомились. И его присутствие было бы так полезно! Молодой человек вроде Сидни с его щегольским экипажем и светским обликом... Вы и я, Мэри, понимаем, сколько респектабельных семейств, сколько заботливых матерей, сколько миловидных дочек могло бы это обеспечить нам в ущерб Истбурну и Гастингсу.

Они теперь приближались к церкви и подлинной деревушке Сэндитон у подножия косогора, на который им предстояло въехать, – косогора, поросшего деревьями и застроенного службами Сэндитон-хауса. Вершина распахивалась в долину, где в ближайшее время могли появиться новые здания. Долина эта была лишь ответвлением долины, покато спускающейся к морю, открывая путь маловодному потоку, а в своем устье обеспечивала третье удобное для жилья место, занятое домишками рыбаков.

Деревня состояла практически только из коттеджей, но дух новизны господствовал над ней, о чем мистер Паркер с восторгом сообщил Шарлотте: два-три наиболее презентабельных щеголяли белыми занавесками и плакатами «Сдается внаем». А дальше, в маленьком зеленом дворе старой фермы можно было своими глазами увидеть двух дам в элегантных белых платьях, расположившихся с книгами в раскладных креслах, а когда они обогнули угол лавки булочника, из окна верхнего этажа донеслись звуки арфы.

Мистер Паркер упивался этими зрелищами и звуками, хотя никакой личной заинтересованности в успехе деревушки у него не было, так как, учитывая ее удаленность от пляжа, сам он ничего в ней не предпринимал. Но это было крайне ценное доказательство, что курорт входит в моду. Если деревня привлекает приезжих, то, наверное, на холме почти все уже снято. Он предвкушал поразительный сезон. Ведь в прошлом году в это самое время (конец июля) в

деревне вообще не было приезжих! Как и до конца лета, помнилось ему, если не считать семью с детьми, приехавшую из Лондона ради морского воздуха после коклюша. Впрочем, мать не подпускала детей к берегу из опасения, как бы они не упали в воду.

– Цивилизация, воистину цивилизация! – восторженно воскликнул мистер Паркер. – Поглядите, дорогая Мэри, на окна Уильяма Хийли! Голубые туфли и нанковые полусапожки! Кто бы ожидал увидеть подобное у сапожника в прежнем Сэндитоне! Новинка этого месяца. Когда мы проезжали тут месяц назад, голубых туфель в окне не было. Расчудесно! Ну-с, думается, я кое-что сделал в своей жизни, а вот и наш холм, наш дышащий здоровьем холм!

Они миновали ворота со сторожкой Сэндитон-хауса и увидели его крышу среди парка. Он был последним зданием былых времен в этой части прихода. Чуть выше началась современность. «Панорам-хаус», «Коттедж-бельвью» и «Денхем-плейс» поочередно открывались глазам Шарлотты, смотревшей на них со спокойным интересом и легкой улыбкой на губах. Мистер Паркер впивался в них жадным взглядом, уповая увидеть не пустующим хотя бы один дом. Больше плакатиков в окнах, чем он надеялся, и меньше признаков жизни на холме: меньше экипажей, меньше пешеходов. Он воображал, что к этому часу они все будут возвращаться с прогулок к обеду. Но пляж и Терраса всегда привлекали некоторых, и начавшийся прилив должен был как раз достичь половины своей высоты.

Мистер Паркер жаждал быть на пляже, на обрывах, в своем собственном доме и повсюду вне дома – одновременно. Он пришел в превосходное настроение при одном только взгляде на море и почти ощущал, что его лодыжка почти совсем исцелилась. Трафальгар-хаус на самом высоком месте долины был легким элегантным зданием посреди небольшой лужайки, окруженной только-только посаженными деревьями. Примерно в ста ярдах от крутого, но не очень высокого обрыва, и ближайшим к нему из всех зданий, исключая короткий ряд щегольских домов, носящих название «Терраса», с широким променадом перед ними, претендующим сравняться с лондонским Моллом. В этом ряду расположилась мастерская лучшей модистки и платная библиотека, а чуть дальше – отель и бильярдная. Тут начинался спуск на пляж и к купальным повозкам. А потому это было излюбленным местом для щеголяния красотой и туалетами.

На небольшом расстоянии за Террасой путешественники благополучно высадились у Трафальгар-хауса, и радость и счастье воцарились между папенькой и маменькой и их детьми, а Шарлотта, препровожденная в свою комнату, нашла достаточно развлечений, стоя перед своим огромным венецианским окном и глядя через пестрый передний план незавершенного строительства, колышущегося белья и крыш на море, танцующее и сверкающее в солнечных лучах под свежим бризом.

Глава 5

Когда они встретились перед обедом, мистер Паркер просматривал письма.

– Ни строчки от Сидни! – сказал он. – Бездельник! Из Уиллингдена я отправил ему полный отчет о моем вывихе, полагал, что он соблаговолит ответить, но возможно, это означает, что он приедет самолично. Уповаю, что так. Но вот письмо от одной из моих сестер. Уж они меня никогда не подводят... Женщины – единственные надежные корреспондентки. Ну-ка, Мэри, – улыбнувшись жене, – прежде чем я вскрою его, попробуем-ка догадаться, как здоровье тех, кто его прислал, а вернее, что сказал бы Сидни, будь он тут. Сидни остер на язык, мисс Хейвуд, и, будьте уверены, не преминул бы сказать, что недуги двух моих сестер более плод их воображения. Но это не так или почти не так. Здоровье у них плохое, как вы часто от нас слышали, и страдают они многими серьезными недугами. Право, не думаю, чтобы они знали, как целый день ощущать себя в полном здравии. И тем не менее они такие превосходные деятельные женщины со столь энергичными характерами! Едва требуется совершить доброе дело, они вынуждают себя к таким усилиям, что кажутся чудачками тем, кто плохо их знает. Но тут нет ни малейшей аффектации. Просто конституция их слабее, а дух сильнее, что наблюдается редко, причем и в сочетании, и по раздельности. А наш младший брат, живущий с ними – ему только-только исполнилось двадцать, – столь же слаб здоровьем, увы, как и они сами. Оно настолько хрупко, что он не в силах приобщиться к юриспруденции или какой-либо другой профессии. Сидни смеется над ними, но это отнюдь не шутка, хотя Сидни часто заставляет и меня смеяться над ними против моей воли. Будь он здесь, знаю, он предложил бы пари, что, согласно этому письму, Сьюзен, Диана или Артур в прошлом месяце были на пороге смерти.

Пробежав письмо, он покачал головой и начал:

– К сожалению, нет никаких шансов увидеть их в Сэндитоне. Очень неутешительные сведения о них. Seriously, очень-очень неутешительные. Мэри, вы крайне огорчитесь, услышав, как им было плохо и как все еще плохо. Мисс Хейвуд, с вашего разрешения я прочту письмо мисс Дианы вслух. Мне нравится знакомить моих друзей между собой, и, боюсь, познакомить вас я могу лишь таким образом. И мне нечего опасаться за Диану, ибо в своем письме она предстает именно такой, какова есть: самым деятельным, доброжелательным, сердечным существом на свете. А значит, может произвести только самое лучшее впечатление.

И он начал читать:

– «Мой милый Том, мы все очень огорчены случившимся с тобой. И если бы ты не описал, в какие превосходные руки попал, я во что бы то ни стало была бы с тобой на следующий же день после получения твоего письма, хотя оно нашло меня, когда я испытывала более сильный, чем обычно, приступ моего старого недуга – желчных спазм, и была еле способна перебраться с постели на софу. Но как тебя лечили? В следующем письме сообщи побольше подробностей. Если это правда простой вывих, как ты выразился, ничто не помогло бы лучше растирания, растирания ладонью, но применять это надо немедленно. Два года назад я была с визитом у миссис Шелдон, и ее кучер вывихнул ступню, когда чистил карету, и едва сумел дохромать до дома, но благодаря немедленному растиранию без пауз (я растирала его лодыжку моей собственной ладонью шесть часов без передышки) он был совершенно здоров уже через три дня. Тысяча благодарностей, мой дорогой Том, за доброту по отношению к нам, каковая сыграла такую большую роль в случившемся с тобой. Но, прошу, никогда больше не подвергай себя опасности в поисках аптекаря ради нас. Ведь водвори ты в Сэндитоне самого опытного в своей области медика, для нас он не стал бы привлекательнее. Мы раз и навсегда покончили со всем врачебным племенем. Мы тщетно обращались к одному врачу за другим, пока не убедились, что они ничем не могут помочь нам, и в поисках облегчения мы должны полагаться на собственные знания о наших злополучных конституциях. Но если ты полагаешь, что

в интересах Сэндитона водворить там медика, я с удовольствием приму твое поручение и, без сомнения, преуспею. Ковать железо я могу начать очень скоро. Ну а касательно того, чтобы мне самой поехать в Сэндитон, это никак не возможно. С сожалением должна сказать, что не осмеливаюсь и попытаться. Однако мои чувства слишком ясно говорят мне, что в нынешнем моем состоянии морской воздух, вероятно, убьет меня. А милые мои сестра и брат не оставят меня одну, не то бы я поощрила план их поездки к тебе на две недели. Но, сказать правду, я сомневаюсь, что нервы Сьюзен выдержали бы такое усилие. Ее очень мучают мигрени, а шесть пиявок ежедневно в течение шести дней принесли ей столь мало облегчения, что мы решили изменить принимаемые нами меры и, убедившись при осмотре, что причина главным образом заключается в деснах, я уговорила ее атаковать болезнью там. А потому она дала выдрать себе три зуба, и это принесло явную пользу, но ее нервы сильно расстроены. Говорить она может только шепотом, и сегодня утром дважды упала в обморок, когда бедняжка Артур старался подавить кашель. Он, счастлива сказать, чувствует себя относительно недурно, хотя более апатичен, чем мне хотелось бы, и я боюсь за его печень. Я не получала никаких известий от Сидни с тех пор, как вы вместе были в Лондоне, но, полагаю, его план отправиться на остров Уайт был отложен, не то мы свиделись бы с ним на его пути. От всей души желаем тебе хорошего сезона в Сэндитоне, и, хотя не можем самолично пополнить твой бомонд, прилагаем все усилия, чтобы обеспечивать тебя достойным обществом, и, думается, можем с уверенностью рассчитывать на две больших семьи для тебя. Богатейшую из Вест-Индии. А вторая – очень респектабельный пансион для благородных девиц или академия из Кэмберуэлла. Не стану тебе рассказывать, скольких людей я привлекла к этому делу. Рука руку моет. Но успех вознаграждает с избытком. Твоя со всей любовью».

Ну, – сказал мистер Паркер, кончив читать, – хотя, полагаю, Сидни мог бы отыскать что-нибудь чрезвычайно забавное в этом письме и заставил нас смеяться добрых полчаса, утверждаю, что сам я нахожу в нем лишь то, что заслуживает либо сочувствия, либо похвалы. Вы замечаете, как, всем страданиям вопреки, они трудятся ради блага других! Как радеют за Сэндитон! Две больших семьи. Одна предположительно для Панорам-хауса, другая – для номера второго, Денхем-плейс... или же для крайнего дома Террасы. И добавочные постели в отеле. Я же говорил вам, мисс Хейвуд, какие чудесные женщины мои сестры.

– А я уверена, что они необыкновенны, – сказала Шарлотта. – Меня поразил бодрый тон письма, вопреки тяжелому состоянию их обеих. Три зуба, вырванные сразу, – ужасно! Ваша сестра Диана словно бы больна хуже некуда, но эти три зуба вашей сестры Сьюзен, право же, страшнее всего остального...

– О! Они так привыкли к этой операции, к любым операциям, и так мужественны!

– Полагаю, вашим сестрам лучше знать, но средства, к которым они прибегают, кажутся чрезмерными. Я чувствую, что при любой болезни искала бы профессиональных советов и не полагалась бы на себя, касайся это меня или тех, кого люблю. Но с другой стороны, наша семья отличается здоровьем, и я не могу судить, насколько действенной окажется привычка к самолечению.

– По правде говоря, – сказала миссис Паркер, – я думаю, что обе мисс Паркер иногда заходят в этом слишком далеко. Так думаете и вы, любовь моя, и вы это знаете. Вы часто считаете, что им полегчало бы, если бы они не так пеклись о себе и особенно об Артуре. Я знаю, вы уверены, что они оказывают ему плохую услугу, поощряя его болеть.

– Ну-ну, моя милая Мэри, не спорю, для бедняжки Артура в его цветущем возрасте весьма неудачно, что его поощряют поддаваться нездоровью. Плохо, очень плохо, что он воображает, будто тяжело болен и не в силах получить профессию. В двадцать один год жить на проценты от его очень скромного капитала и даже не думать о том, чтобы пополнить его или найти занятие, чтобы приносить пользу себе и другим... Но поговорим о более приятных вещах. Эти

две больших семьи именно то, что нам требуется. А вот что-то еще приятнее! Морган и его «кушать подано»!

Глава 6

После обеда общество вскоре разошлось. Мистеру Паркеру не терпелось поскорее побывать в платной библиотеке и заглянуть в книгу подписок, а Шарлотта была рада увидеть как можно больше и как можно быстрее тут, где все для нее было ново.

Они вышли в самое тихое время курортного дня, когда почти в каждом обитаемом жилище свершался важный обряд обеда или послеобеденной беседы за портвейном. Там и сям можно было заметить одинокую фигуру пожилого мужчины, вынужденного рано встать из-за стола и совершить моцион здоровья ради. Но в целом наступила исчерпывающая пауза безлюдья, пустота и спокойствие на Террасе, обрывах и пляже.

Магазины были покинуты, соломенные шляпки и кружевные шали казались оставленными на произвол судьбы и в домах, и снаружи, а миссис Уитби в библиотеке сидела в собственной внутренней комнате и читала один из собственных романов, так как заняться ей было нечем. Список подписчиков был скромен. Леди Денхем, мисс Бреретон, мистер и миссис Паркер, сэр Эдвард Денхем и мисс Денхем, чьи имена, можно сказать, открывали сезон, однако за ними следовали всего лишь мисс Мэтьюс, мисс Э. Мэтьюс, мисс Г. Мэтьюс, доктор и миссис Браун, мистер Ричард Прэтт, лейтенант Смит, К.В.Ф. капитан Литл, Лаймхаус, миссис Джейн Фишер, мисс Фишер, мисс Скроггс, преподобный мистер Хэнкинг, мистер Брэд, солиситер, Грейс-Иинн, миссис Дэвис и мисс Мэрриуэвер.

Мистер Паркер не мог не почувствовать, что список был незавидным и куда короче, чем он надеялся. Однако был еще только июль, главными же месяцами были август и сентябрь. К тому же две больших обещанных семьи из Суррея и Кэмберуэлла служили бодрящим утешением.

Миссис Уитби без промедления покинула свой литературный уголок, искренне обрадовавшись мистеру Паркеру, чьи манеры покоряли всех, и они обменивались любезностями и новостями, пока Шарлотта, добавив свое имя к списку в качестве первого жертвоприношения успеху сезона, занялась некоторыми неотложными покупками ради дальнейшего блага для всех, как только мисс Уитби сумела завершить свой туалет и поспешить во всем блеске глянцевого локона и щегольских украшений обслужить ее.

Библиотека, разумеется, предлагала что угодно: любые бесполезные вещи в мире, обойтись без которых невозможно. И среди стольких очаровательных соблазнов, при такой симпатии к мистеру Паркеру, толкавшей на расходы, Шарлотта почувствовала, что ей следует одернуть себя. Или, вернее, она подумала, что в ее двадцать два года ей не будет оправдания, если она не воздержится, что не годится потратить все ее деньги в первый же вечер. Она взяла книгу – это оказалась «Камилла». Она не была девочкой, как Камилла, и не собиралась оказаться в таком же положении, как та, а потому отвернулась от витрин с кольцами и брошками, пропустила мимо ушей дальнейшие улещивания и уплатила за свои покупки.

К ее радости, они затем должны были прогуляться вдоль обрыва, но при выходе из библиотеки их ждала встреча, которая потребовала изменения планов: с леди Денхем и мисс Бреретон. Те зашли в Трафальгар-хаус и были направлены в библиотеку. Хотя леди Денхем была достаточно бодра, чтобы счесть, будто прогулка в милю требует отдыха, и сообщила о намерении направиться прямо домой, Паркеры знали, что ей больше понравится, если они настоят, чтобы она осталась выпить у них чаю. А потому вместо прогулки по обрыву пришлось сразу вернуться домой.

– Нет-нет, – сказала ее милость, – я не потерплю, чтобы вы поторопились с вашим чаепитием. Я же знаю, что вы предпочитаете более поздний час. Моя более ранняя привычка не должна причинять неудобства моим соседям. Нет-нет, мы с мисс Кларой вернемся к нашему

собственному чаю. Других намерений у нас не было. Мы просто хотели увидеть вас и убедиться, что вы действительно вернулись, но нас ждет наш собственный чай.

Однако направилась она к Трафальгар-хаусу и преспокойно воцарилась в гостиной, будто не слыша ни слова из распоряжений, которые миссис Паркер отдавала горничной, когда они вошли, сервировать чай немедленно. Потеря прогулки больше Шарлотту не огорчала, ведь она оказалась в обществе тех, кого после утреннего разговора ей очень хотелось увидеть. Она внимательно их рассматривала. Леди Денхем была среднего роста, дородна, с прямой осанкой. Уверенные движения, сверлящие глаза и самодовольный вид. Однако внешность отнюдь не неприятная, и хотя манеры ее были резковатыми, как у тех, кто гордится своей прямолинейностью, в ней чувствовались и добродушие, и сердечность. Учтивая готовность познакомиться с самой Шарлоттой и удовольствие от встречи со старыми друзьями, приведшей ее, по-видимому, в отличное расположение духа.

Что до мисс Бреретон, ее внешность настолько отвечала дифирамбам мистера Паркера, что Шарлотте показалось, будто она еще никогда не видела более очаровательной или более интересной молодой женщины. В меру высокая, с правильными красивыми чертами и чудесным нежным цветом лица, с кроткими голубыми глазами, обаятельно скромная и все же надевшаяся от природы изяществом манер – Шарлотта увидела в ней совершеннейшее воплощение самой красивой и обворожительной героини из всех, каких только можно было найти в многочисленных романах, какие они оставили стоять на полках миссис Уитби. Вероятно, причиной отчасти было то, что она вышла из библиотеки, но она не могла отделить образ совершеннейшей книжной героини от Клары Бреретон. Ее положение при леди Денхем только усиливало это впечатление. Она словно бы оказалась при ней, чтобы стать жертвой дурного обращения. Подобная бедность и зависимость в сочетании с подобной красотой и достоинствами словно бы не оставляли выбора.

Чувства эти не были плодом какой-либо романтичности. Напротив, Шарлотта была очень трезвомыслящей барышней: достаточно начитанной, чтобы мысленно забавляться, ничуть не попадая под какое-либо глупое влияние романов. И хотя первые пять минут она развлекалась, воображая тиранства, выпавшие на долю интересной Клары, и жестокости, которым предавалась леди Денхем, из дальнейших наблюдений она без тени разочарования вывела, что отношения между ними, видимо, не оставляют желать ничего лучшего. В поведении леди Денхем она не заметила ничего хуже некоторой старомодной формальности (она называла ее только «мисс Клара»), а в степени знаков почтительности и внимания, какие оказывала ей Клара, вообще ничего предосудительного. Выглядело это добрым покровительством одной и благодарным уважением и искренней привязанностью другой.

Беседа сосредоточивалась исключительно на Сэндитоне, нынешнем числе приезжих и шансах на хороший сезон. Было очевидно, что леди Денхем испытывает больше тревоги, больше боится убытков, чем ее партнер. Она хотела, чтобы курорт заполнялся быстрее, и испытывала больше мучительных опасений, что не все жилища будут арендованы. Две больших семьи мисс Дианы Паркер не были позабыты.

– Очень хорошо, очень хорошо, – сказала ее милость. – Семья из Вест-Индии и пансион. Звучит многообещающе. И принесет деньги.

– Никто так не сорит деньгами, насколько мне известно, как прибывшие из Вест-Индии, – заметил мистер Паркер.

– Вот-вот, так и я слышала. А потому, что кошельки у них набиты, они, возможно, воображают себя ровней старинным семьям. Ну и те, что сорят деньгами направо и налево, никогда не задумываются, а не причиняют ли они вред, повышая таким образом цены. Как я слышала, именно это и происходит из-за ваших вестиндийцев. А если они приезжают к нам повышать цены на предметы первой необходимости, мы им спасибо не скажем.

– Дражайшая сударыня, они могут поднять их на съедобные припасы таким необычайным спросом на них и такой тратой денег среди нас, что это принесет нам больше пользы, нежели вреда. Наши мясники, и пекари, и лавочники вообще не могут разбогатеть, не обогатив нас. Если они не наживаются, страдают наши ренты. А пропорционально их прибылям должны со временем повыситься и наши благодаря росту стоимости нашей недвижимости.

– О! Ну... Однако мне не понравилось бы, если бы мясник поднял цену на мясо, и я буду платить по низкой, пока смогу. А! Эта барышня, я вижу, улыбается. Наверное, она полагает меня странной чудачкой, но со временем ее тоже начнут заботить подобные вещи. Да-да, милочка, поверьте, со временем вы будете думать о том, сколько мясник просит за мясо. Хотя, быть может, вам не придется думать, как кормить такое число слуг, как мне. И я считаю, что те, у кого слуг мало, находятся в наилучшем положении. Весь свет знает, что я не склонна жить напоказ, и, если бы не мой долг перед памятью бедного мистера Холлиса, я ни за что не стала бы содержать Сэндитон-хаус на такой ноге, как сейчас. Мне это удовольствия не доставляет. Ну, мистер Паркер, а еще пансион для благородных девиц, французский пансион, не так ли? В этом ничего дурного нет. Они проживут свои шесть недель. А при таком их числе, как знать, нет ли среди них чахоточных, и им потребуется молоко ослиц, а у меня сейчас как раз есть две удоиные ослицы. Но, может быть, маленькие барышни попортят мебель... Надеюсь, за ними присматривает надежная бдительная гувернантка.

План бедного мистера Паркера, заставивший его отправиться в Уиллингден, заслужил от леди Денхем не больше одобрения, чем от его сестер.

– Господи, дорогой мой сэръ! – вскричала она. – Как вы могли даже подумать о подобном? Я сожалею о приключившемся с вами несчастье, но, право слово, вы его заслужили. Поехать за доктором? Да зачем нам тут доктор? Это только подбоьет наших слуг и бедняков воображать себя больными, если под рукой будет доктор. Ах, прошу, не допустите никого из этого племени в Сэндитон! Мы отлично обходимся без них. У нас же есть море, и вереск, и мои ослицы. И я сказала миссис Уитби, что, если кто-нибудь осведомится о механической лошадке для разминки ног, ее можно будет арендовать по сходной цене. Лошадка бедного мистера Холлиса совсем как новая. А что еще может потребоваться людям? Вот я прожила на этом свете добрых семьдесят лет, никогда не принимала микстуру чаще двух раз и ни разу не видела лица доктора. То есть ради себя. И я твердо верю: если бы мой бедный дорогой сэръ Гарри тоже никогда бы никого из них не видел, то был бы сейчас жив. Десять гонораров, один за другим, забрал тот, кто отправил его на тот свет. Прошу вас, мистер Паркер, никаких докторов тут.

Внесли чай.

– О! Моя дорогая миссис Паркер, право же, к чему вы затруднились? Я как раз собиралась пожелать вам доброго вечера. Но раз вы так по-соседски добры, полагаю, нам с мисс Кларой следует остаться.

Глава 7

На следующее же утро популярность Паркеров привела к ним нескольких визитеров, в том числе сэра Эдварда Денхема и его сестру. Они, побывав в Сэндитон-хаусе, приехали засвидетельствовать свое почтение. А Шарлотта, кончив писать письма домашним, присоединилась к миссис Паркер в гостиной как раз вовремя, чтобы увидеть их всех. Денхемы были единственными, кто заслуживал особого внимания.

Шарлотту обрадовало завершение ее знакомства с семьей, и она сочла эту пару – во всяком случае, лучшую половину (ведь пока он холост, джентльмена иногда можно считать лучшей половиной пары) – вполне заслуживающей внимания. Мисс Денхем была красивой молодой женщиной, но холодной и сдержанной, словно была столько же горда своим происхождением, сколько угнетена бедностью, и мучилась, так как у них не было щегольского экипажа, а лишь двуколка, которую их грум все еще направлял к конюшням у нее на глазах. Сэр Эдвард, несомненно, превосходил ее и благородством облика, и манерами. Он был, бесспорно, красив, однако чаровал особой учтивостью, желанием оказывать внимание и доставлять удовольствие. Он вошел в комнату с галантным поклоном и много разговаривал – особенно с Шарлоттой, рядом с которой его посадили. И она вскоре убедилась, что он обладает выразительным лицом, удивительно приятной мелодичностью голоса и умением вести разговор на всевозможные темы. Он ей понравился. Такой же рассудительный, как и она сама. Она сочла его обаятельным, и подозрение, что впечатление это взаимно, было ей очень приятно. Подтверждалось оно тем, что он никак не отозвался на видимое желание его сестры отправиться домой, а продолжал их беседу. Я не приношу извинений за тщеславие моей героини. Если есть на свете барышни, ее ровесницы, лишенные фантазии и не желающие нравиться, я их не знаю и знать не хочу.

Наконец, в стеклянные двери гостиной, за которыми открывался вид на дорогу и все дорожки на склоне, Шарлотта и сэр Эдвард со своих мест не могли не увидеть проходивших мимо леди Денхем и мисс Бреретон. И тотчас в лице сэра Эдварда произошла перемена. Тревожно посмотрев им вслед, он тут же предложил сестре не просто уйти, но и пройтись до Террасы. Что положило конец фантазиям Шарлотты, излечило ее от полчасовой лихорадки и привело в более подходящее настроение, чтобы, когда сэр Эдвард ушел, оценить, насколько любезен он был на самом деле. «Пожалуй, в его наружности и манерах есть много обаяния, да и титул ничуть ему не вредит».

Очень скоро она вновь оказалась в его обществе. Едва дом Паркеров очистился от утренних визитеров, они сами поспешили его покинуть. Терраса была приманкой для всех. Всякий способный ходить должен был начинать с Террасы, и там, на одной из двух зеленых скамей у вымощенной гравием дороги, они увидели объединенную компанию Денхемов. Правда, хотя и объединенную оптом, но четко разделенную: обе вышестоящие леди на одном конце скамьи, а сэр Эдвард и мисс Бреретон – на другом. Первый же взгляд Шарлотты сказал ей, что сэр Эдвард выглядит влюбленным. Никаких сомнений в его преклонении перед Кларой быть не могло. Как Клара принимала это преклонение, было не столь очевидно, но Шарлотте показалось, что не слишком одобрительно: хотя сидела она близко от него – чему, вероятно, не могла помешать, – лицо ее выглядело спокойным и серьезным.

Несомненным было, что барышня на другом конце скамьи, так сказать, искупает свои грехи. Отличие мисс Денхем, сидевшей в холодном величии в гостиной миссис Паркер, прерывавшей молчание лишь благодаря усилиям других, от мисс Денхем, у локтя леди Денхем, слушавшей и отвечавшей с улыбчивой угодливостью или заискивающей торопливостью, было разительным. И очень забавным – или же очень печальным, преобладай в его оценке сатира или мораль. Характер мисс Денхем был Шарлотте совершенно ясен. Оценка сэра Эдварда тре-

бовала более длительных наблюдений. Он удивил ее, когда при их приближении тотчас оставил Клару, согласился разделить их прогулку и сосредоточил свое внимание исключительно на ней самой.

Заняв позицию рядом с ней, он, казалось, старался отвести ее в сторону от остальных, насколько возможно, и разговаривал только с ней. С большим чувством и вкусом он заговорил о море и морском берегу и энергично перебрал все обычные фразы, употребляемые для восхваления их величия и описания неописуемых чувств, которые они возбуждают в тонких душах. Устрашающее величие океана в бурю, зеркальность его поверхности в безветрие, его чайки, его сапфирность и неизмеримость его глубин, его мгновенная переменчивость, злокозненные обманы, его моряки, обольщаемые им при солнечном сиянии и захваченные внезапным ураганом – все это было живо и красноречиво затронуто. Возможно, несколько избито, но звучавшее прелестно из уст красивого сэра Эдварда. И она не могла не принять его за человека с глубокими чувствами, пока он не принялся оглушать ее цитатами и непонятностями некоторых фраз.

– Вы помните, – сказал он, – прекрасные строки Скотта о море? О, какую картину они рисуют! Они всегда в моей памяти, когда я прогуливаюсь здесь. Человек, способный прочесть их равнодушно, должен обладать нервами наемного убийцы! Небо да защитит меня от встречи безоружным с подобным человеком!

– О каком описании вы говорите? – спросила Шарлотта. – Я что-то не помню такого упоминания моря ни в той, ни в другой поэме Скотта.

– Неужели? Да и я сейчас запомнил начало. Но вы не могли забыть его описания Женщины. «О! Женщина в досужий час...» Восхитительно! Восхитительно! Он был бы обессмертен, даже не написав ничего больше. А затем это, не имеющее равных, не имеющее соперников: «Дан смертным дар великих чувств таких! Не столь земля, сколь небо скрыто в них!» – и так далее. Но раз уж мы коснулись темы поэзии, что, мисс Хейвуд, вы думаете о Бернсе? Строки к его Мэри? О! Страсть, способная свести с ума! Если когда-либо жил человек, способный на нее, то только Бернс! Монтгомери обладает всем пламенем поэзии, Водсворт – истинной ее душой. Кэмпбелл в своих радостях надежды коснулся предела наших ощущений: «Как посещения ангела немноги и редки». Можете ли вы вообразить что-либо более внушающее смирение, более трогающее сердце, более насыщенное глубокой возвышенностью, чем эта строка? Однако Бернс... Признаюсь, мисс Хейвуд, что ставлю его превыше всех. Если у Скотта есть недостаток, то это скудость страсти. Нежность, изящность, емкость, но пресные. Человек, не способный воздать должное достоинствам Женщины, мне чужд. Иногда проблеск чувства поистине озаряет его, как в строках, которые мы обсуждали: «О! Женщина в досужий час...» Но Бернс всегда пылает. Его душа была алтарем, воздвигнутым прелестной женщине, его дух истинно источал положенный ей божественный ладан.

– Некоторые стихи Бернса я читала с восторгом, – сказала Шарлотта, едва получила возможность открыть рот, – но я недостаточно поэтична, чтобы полностью отделять поэзию автора от его характера, а известные проступки бедного Бернса сильно мешают мне получать наслаждение от его строк. Мне трудно положиться на искренность его чувств как влюбленного. Я не верю в правдивость чувств человека с его характером. Он чувствовал, он писал, и он забывал.

– Ах, нет-нет! – воскликнул сэр Эдвард в экстазе. – Он был одно пылание и правда! Его гений и чувствительность могли ввергать его в некоторые aberrации... Но кто совершенен? Было бы гиперкритично, было бы псевдофилософично ожидать от души тонко настроенного гения пресмыкания обычных умов. Яркие вспышки таланта, рожденные страстным чувством в груди мужчины, быть может, и несовместимы с некоторыми из прозаических требований приличий. И вы, прелестнейшая мисс Хейвуд (сказано с видом глубочайшей прочувствованности), не можете, как и любая другая женщина, быть справедливой судьей того, что может сказать, написать или сделать мужчина под неодолимой властью безграничной пылкости.

Все это было очень мило, но, если Шарлотта хоть чуточку поняла, не слишком соответствовало морали. К тому же ей, вовсе не польстил экстраординарный стиль его комплиментов, и она сухо ответила:

– Я, право, ничего об этом не знаю. Ветер, по-моему, дует с юга.

– Счастливый, счастливый ветер, привлечший мысли мисс Хейвуд!

Она уже начинала считать его попросту глупым. Она успела понять, почему для этой прогулки он избрал в спутницы именно ее: чтобы уязвить мисс Бреретон. Она прочла это в двух-трех его встревоженных взглядах. Но почему ему потребовалось болтать такой вздор, оставалось непостижимым. Он казался очень сентиментальным, переполненным избытком чувств и крайне приверженным к употреблению всяких новейших и модных зубодробительных словечек. Не обладая ясным умом, сделала она вывод, он декламировал их, не вникая в смысл. Будущее могло объяснить его глубже, но, когда он предложил зайти в библиотеку, она почувствовала, что на одно утро сэра Эдварда Денхема ей более чем достаточно, и с радостью приняла приглашение леди Денхем остаться на Террасе с ней.

Все остальные их покинули – сэр Эдвард с выражением весьма галантного сожаления на лице, что вынужден расстаться с ними, – и они занялись приятной беседой. То есть леди Денхем, как истинная главная леди, говорила и говорила исключительно о своих заботах, а Шарлотта слушала, про себя забавляясь контрастом между ее недавним собеседником и этой собеседницей. Бесспорно, в монологе леди Денхем не было никаких намеков на сомнительные чувства и никаких неудобопонятных фраз. Взяв Шарлотту за локоть с безмятежностью уверенности, что всякий знак ее внимания – великая честь, и обстоятельная из-за того же осознания своей важности (или из-за врожденной болтливости), она незамедлительно сказала тоном величайшего удовлетворения с лукаво-умудренным взглядом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.